

«Человек в футляре»

Эгоизм русской интеллигенции изображается у Чехова весьма часто. По мнению Чехова, эгоизм был причиной того, что русские интеллигенты замыкались в себе, боясь обратить на себя внимание общества, и жили в «футлярах».

В рассказе «Человек в футляре» изображается учитель гимназии Беликов, который имел странную привычку всегда, даже в очень хорошую погоду, ходить по улице в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге. Самую мысль свою Беликов запрятал тоже в футляр. Но всего хуже было то, что своими футлярными соображениями, осторожностью он угнетал весь педагогический состав гимназии и заставлял исключать ни в чем не повинных учеников. Беликов, кроме того, оказывал дурное влияние и на весь город. Боясь его доносов, в городе стали бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бедным, учить грамоте...

Эта боязнь происходила, конечно, от эгоизма. Русская интеллигенция боится принимать участие в каком-нибудь полезном общественном деле из опасения «как бы чего не вышло»; «ей своя рубашка ближе к телу», и она успокаивает себя известной поговоркой «моя хата с краю, я ничего не знаю».

По И. Глебову

Безотрадность и безнадежность создаваемых Чеховым картин общественной действительности усугубляются по мере того, как объектом творческого воспроизведения художника вместо людей, возвышавшихся над общим уровнем (каковым являются и старый профессор из «Скучной истории», и Полознев из «Моей жизни» и пр.), становятся люди заурядные, те самые обыватели, против которых так негодуют герои «Ионыча» и «Моей жизни». В чеховскую галерею типов входит бесчисленное количество обывателей всевозможных общественных положений и профессий. Здесь и обыватели-землевладельцы, и обыватели-чиновники, и обыватели-педагоги, и обыватели-доктора, и обыватели-адвокаты и т. д., и т. п. Неизбывной пошлостью веет от их жизни, и ужаснее всего то, что огромное большинство их не замечает этой пошлости и вполне удовлетворяется своим сереньким житьем-бытьем и не делает никаких усилий, чтобы проложить пути к иной, более осмысленной и радостной жизни.

Пошлость и рутина становятся своего рода жизненным законом. Наибольшим влиянием пользуются те, кто осуществил идеал пошлости в своей жизни и следит, чтобы он в большей или меньшей степени был обязателен и для других. Характерна в этом отношении фигура гимназического учителя Беликова из рассказа «Человек в футляре».

Беликов строит свою жизнь на основе циркуляров и распоряжений начальства. Он рассуждает так: «Запрещено и баста». «В разрешении и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное». Никогда не оставляла его тревожная мысль, «как бы чего не вышло», а потому «всякого рода нарушения, отступления от правил», хотя бы и не имевшие отношения к нему лично, «приводили его в уныние». Он считал своим долгом всем и каждому по всякому ничтожному поводу выражать опасение, «как бы чего не вышло», «как бы не дошло до начальства», и в результате заставлял бояться себя не только товарищей — гимназических учителей, не только директора гимназии, но и весь город. «Наши дамы по субботам домашних спектаклей не устраивали, боялись, как бы он не узнал; и духовенство стеснялось при нем кушать скромное и играть в карты... Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние

десять, пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте». Эти слова, вложенные Чеховым в уста одного из городских обывателей, от имени которого и ведется рассказ о Беликове, нуждаются в некотором пояснении. Если атмосфера жизнебоязни, приниженности, пошлости, царящая в городе, вызвана в некоторой степени «влиянием таких людей, как Беликов», то, с другой стороны, «такие люди, как Беликов», созданы этой атмосферой. Не в отдельных людях тут, разумеется, дело, а в общих условиях жизни. Чехов хорошо понимал это, что подтверждается финалом его рассказа, повествующим о смерти и похоронах Беликова. «Хоронить таких людей», как Беликов, большое удовольствие. «Вернулись мы с кладбища в добром расположении, – говорит рассказчик, – но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне, не стало лучше...»

Не могло стать лучше потому, что умер Беликов, «а сколько еще таких человек в футляре осталось»; умер Беликов, но городская интеллигенция по-прежнему состоит из «чинодралов», превращающих места своей службы в «управы благочиния» и «полицейские будки», от которых «кислятиной воняет».

Среди тех интеллигентов, которых изобразил Чехов в большинстве своих рассказов, значительную часть составляют разночинцы, а потому, если говорить, что Чехов изобразил банкротство современной ему интеллигенции, то это относится не только к дворянской, но и к разночинной интеллигенции.

По В. Евгеньеву-Максимову

В рассказе «Человек в футляре» Чехов дает обобщающий образ запуганного интеллигента, боящегося малейшего проявления жизни.

Учитель греческого языка Беликов смертельно боится всего необычного, выходящего за грани установившегося распорядка жизни. Циркулярные распоряжения начальства определяют его поведение, всякие разрешения его пугают, запрещения доставляют успокоение.

Чехов, мастерски раскрывает психологию и взгляды Беликова, рисуя словами Буркина его портрет и приводя характеристику, даваемую Беликову его сослуживцем.

Портрет Беликова дается попутно — ведь все произведение дано в форме рассказа Буркина — одной-двумя чертами, удачно подобранными и раскрывающими облик «человека в футляре». Лицо у Беликова было бледное, «маленькое, как у хорька». На носу — темные очки.

Квартира Беликова — дополнительная картина к характеристике «человека в футляре»: ставни, задвижки; спальня «точно ящик», кровать с пологом; домашний костюм Беликова — халат и колпак. Когда Беликов ложился спать, то «укрывался с головой».

Все эти черты портрета Беликова и описание его квартиры раскрывают основную особенность характера Беликова: его боязнь жизни, стремление отгородиться от нее, защититься футляром.

Отсюда становится понятным, отчего он «всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтоб очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник».

И мысли его тоже запрятаны в футляр: «как бы чего не вышло» — его любимая фраза, выражающая крайнюю степень запуганности, опасения.

Но весь ужас не в том, что таков был Беликов. Страшно то, что этот ничтожный человек держал весь город в вечном страхе; в трепете; что он вырос в грозную силу, наводящую ужас, тоску, скуку везде, где бы он ни появлялся. Всякую инициативу,

малейшее проявление мысли, жизни он убивал своим предостерегающим «как бы чего не вышло».

Одним своим появлением Беликов сеял тревогу, создавал панику. Придет он к своим сослуживцам, сидит час-два и... молчит. Это молчание угнетающе действует на окружающих: разговоры смолкают, в сердца закрадывается страх. Своим молчанием, вздохами, нытьем он давит всех, и все уступают, все его боятся. Все глохнет, замирает, жизнь исчезает при появлении Беликова. Из гимназии исключают учеников, на которых указал Беликов, хотя никаких особых проступков у них нет. Нависает угроза над драматическим кружком, читальней, даже над чайной. Словом, под влиянием Беликова «в городе стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...»

Рисуя портрет Беликова, указывая на его профессию (преподаватель древних языков), говоря об его образе жизни и отношении к окружающим, Чехов раскрывает существенные черты обывателя-интеллигента, безыдейного, отошедшего от жизни, запуганного, дрожащего.

Благодаря этому образ Беликова приобретает типическое, обобщающее содержание. Портрет отдельного человека вырастает в тип. В нем воплощается обывательщина, бессодержательность, боязнь жизни, растерянность, уход от всего живого интеллигенции 1880–90-х годов.

Свое отношение к такой жизни и к таким людям, как Беликов, Чехов выражает подбором черт в портрете Беликова, всем обликом его, всем развитием действия в рассказе. Об отношении к Беликову писателя говорят и те отдельные замечания, которые он вкладывает в уста Ивана Иваныча. Прослушав рассказ Буркина, Иван Иваныч говорит о массовом уходе интеллигенции в разные футляры. Он говорит, что футляром является игра в карты, безделье, праздные разговоры, разный вздор, которым люди наполняют свою жизнь. Итак, сила обобщения образа Беликова настолько велика, что имя Беликова — «человека в футляре» — стало нарицательным.

Общие черты человека в футляре даны в образе Беликова, но «человек в футляре» — распространенное явление того времени, — вот что хочет сказать Чехов. И недаром и в начале, и в конце рассказа, как рамку картины, он дает образ Мавры, которая «никогда не видела ни города, ни железной дороги, а последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу». В Мавре подчеркнута та же футлярность, та же боязнь жизни. Она тот же «человек в футляре».

По С. Флоринскому, Н. Трифонову

«Человек в футляре» — самый значительный из чеховских рассказов по содержательности темы и типичности выхваченного из жизни явления. Кому не знаком этот жалкий, ничтожный, плюгавенький и в то же время страшный «человек в футляре», для которого жизнь свелась к отрицанию жизни? Он, как кошмар, давит все живое, сдерживает проявление всякого общественного, альтруистического движения своим мертвящим припевом — «как бы чего не вышло». Эта ходячая пародия на человека изображена автором с поразительным совершенством, что при необычайной естественности и простоте, с какою написан весь рассказ, делает эту фигуру почти трагической. Рассказ ведется от первого лица. Учитель гимназии Буркин рассказывает про своего товарища, недавно умершего учителя греческого языка Беликова.

«Он был замечателен тем, — говорит Буркин, — что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

Таков этот мастерски написанный портрет, вдумываясь в который, чувствуешь, какая глубокая правда лежит в его основе. Беликов — это сама жизнь, та житейская тина, болото, с которым приходится иметь дело на каждом шагу, которое все затягивает, все грязнит и душит в своей вонючей грязи. Беликов — это общественная сила, страшная

своей неуязвимостью, потому что она нечувствительна, недоступна человеческим интересам, страстям и желаниям. Закованный в броню циркуляров, все воспрепятствующих и все «упорядочивающих», Беликов попирает на законном основании самые естественные требования сердца, самые простые проявления человеческих отношений. И, что ужаснее всего, он действует как ядовитый микроб — не насилием, не грубыми, жесткими приемами, самая жесткость которых могла бы возмутить людей, а незаметно, медленно, постепенно растлевающая все окружающее, доводя до отупения и безвольного согласия всех на самые дикие и по существу бесчеловечные меры. Этот прием его — «как бы чего не вышло» — исходит как будто из чувства заботливости, желания добра, стремления оградить от возможных зол и бедствий. Он подкупает, с одной стороны, не привыкшую к критике среду, с другой — запугивает и в конце концов все покоряет.

Кроме того, он — сила еще и потому, что он — единственное лицо, которое твердо знает, чего хочет. А знание это ему дается легко: он ничего не хочет, ничего не желает, ни к чему не стремится. Его идеал — отрицание жизни. Он сила потому, что он идеальный нигилист. Понятно, в борьбе против него его товарищи, учителя, «народ, все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина», должны пасовать. Их желания, мысли, стремления, все это — живые, изменчивые движения души, колеблемые как тростник. А против стоит одно неизменное отрицание, неуязвимый футляр, внутри пустой, гордый этой пустотой и победоносный в сознании своей правоты, не встречающий единственно действительного протеста — простой житейской силы, которая, не мудрствуя лукаво, взяла бы его за шиворот и вышвырнула за окно.

Так поступает с ним свежий человек, и этот прием оказывается самым действенным. Беликов вздумал несколько приподнять футляр, заняться делом, которое разрешается даже циркулярами: он задумал жениться. Как и следовало ожидать, такое жизненное дело, в котором циркуляры и запрещения плохая помощь, оканчивается для Беликова трагикомически. Как-то в период ухаживания он встречает свой «предмет» катающимся на велосипеде в сопровождении брата, тоже учителя. Велосипед не воспрещен циркуляром, но и прямого разрешения на него тоже не имеется. И вот человек в футляре отправляется к брату «предмета» с предостережением — «как бы чего не вышло», но встречает неожиданный отпор.

Здесь автор неподражаемо живописует своего героя:

«Что же собственно вам угодно?» — спрашивает его Коваленко, брат «предмета».

«— Мне угодно только одно — предостеречь вас. Вы — человек молодой, у вас впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же так манкируете, ох, как вы манкируете! Вы ходите в вышитой сорочке, постоянно на улице с какими-то книгами, а теперь вот еще велосипед. О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипеде, узнает директор, дойдет до печителя... Что же хорошего?»

— Что я и сестра катаемся на велосипеде, никому до этого дела нет! — сказал Коваленко и побагровел. — А кто будет вмешиваться в мои домашние и семейные дела, того я пошлю, к чертям собачьим!

Беликов побледнел и встал.

— Если вы говорите со мной таким тоном, то я не могу продолжать, — сказал он. — И прошу вас никогда так не выражаться в моем присутствии о начальниках. Вы должны с уважением относиться к властям.

— А разве я говорил что дурное про властей? — спросил Коваленко, глядя на него со злобой. — Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я человек честный и с таким господином, как вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискалов.

Беликов нервно засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице».

Ведь это первый раз в жизни он слышал такие грубости.

«— Можете говорить что вам угодно, — сказал он, выходя из передней на верхнюю площадку лестницы. — Я должен только предупредить вас: быть может, нас слышал кто-нибудь, и чтобы не

перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я должен буду доложить господину директору содержание нашего разговора... в главных чертах. Я обязан это сделать.

— Доложить? Ступай докладывай!

Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, тот покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами».

Первый резкий и решительный отпор, встреченный им так неожиданно, произвел на человека в футляре потрясающее действие. Он захворал и умер. Казалось бы, что для такого человека недостаточно такого ничтожного повода, чтобы умереть от простой обиды. Предатели и доносчики обладают одной, им только присущей особенностью — крайне легко выносить всякие обиды действием. Но это лишь профессиональные лица этого непочтенного цеха. Беликов же вовсе не профессионал-доносчик, простой фискал, как его грубо назвал Коваленко, — фискал, работающий из-за мзды. Беликов искренно верит в донос и необходимость доложить начальству, раз, по его мнению, потрясены основы власти, хотя бы и велосипедом. Для него донос, столь неприятно действующий на Коваленко, есть акт священный, обязательный, выполнение коего заключает в себе такую же сладостную приятность, как и всякое выполнение долга. В течение пятнадцати лет подвизаясь на этом поприще и не встречая противодействия, Беликов мог с полным правом думать, что и все так же относятся к доносу, так же видят в нем один из устоев той системы, олицетворением которой выступал он, победоносный Беликов, подчинявший себе воспитанных на Тургеневе и Щедрина, «глубоко порядочных» товарищей. И вдруг — за шиворот и вниз по лестнице! Вся трусливая, жалкая душонка этого плюгавца, все значение которого опиралось на страхе, наводимом им на других, должна была перевернуться, когда испытанное оружие оказалось бессильно. Сегодня один спустил его с лестницы, завтра другой может сделать то же, и «как бы чего не вышло!»

Вся сила Беликова именно в окружающей среде, в слабости ее, в расплывчатости нравственных и всяких других устоев, в бессознательной подлости, составляющей общественную основу той жизни, где процветают Беликовы. Какие принципы могут выставить в свою защиту эти «воспитанные на Тургеневе и Щедрина» товарищи? Это воспитание не имеет никакого значения там, где вся окружающая жизнь есть сплошное отрицание принципов этих великих воспитателей, где самое упоминание этих имен является чуть не преступлением. Для всякой борьбы, хотя бы и с ничтожными Беликовыми, нужна внешняя сила, на которую можно бы опереться, а раз ее нет — Беликовы непобедимы и неистребимы, что и почувствовали немедленно после его смерти оставшиеся.

«Хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные, постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому, и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья... Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили; а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько еще их будет!» —

заканчивает рассказчик со вздохом, на что его слушатель, ветеринарный врач Иван Иванович, отвечает: «То-то вот оно и есть».

Жуткое чувство безнадежности и безысходной тоски охватывает от этого безотрадного — «то-то вот оно и есть!» И автор, чтобы усилить это давящее чувство безвыходного положения, заставляет Ивана Ивановича разразиться под конец такой репликой:

«— То-то вот оно и есть, — повторил Иван Иванович. — А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт, — разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор — разве это не футляр!.. Видеть и слышать, как лгут и тебя же называют дураком

за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, унижения, не смей открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, — нет, больше жить так невозможно!»

И из-за бледной фигуры Ивана Ивановича вырисовываются тысячи, десятки тысяч таких же измученных людей, которые ежедневно со стоном повторяют: «Так жить невозможно!» и продолжают жить, плодиться, воспитывать таких же футлярных людей. Чехов не дает ни малейшего утешения, не открывает ни щелочки просвета в этом футляре, который покрывает нашу жизнь, не запрещенную циркулярно, но и не вполне разрешенную». Созданная им картина получает характер трагической неизбежности. Фигура Беликова разрастается если не в общечеловеческую, то в общерусскую, получает значение не временного, наносного явления, которое должно исчезнуть вместе с вызвавшими его причинами, а постоянного, в нас самих коренящегося.

В этом художественном преувеличении, в безмерности авторского пессимизма, как бы он ни оправдывался действительностью, Чехов сумел с беспощадной силой раскрыть все ничтожество футлярной жизни.

По А. Богдановичу

«Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви» не только связаны между собой единством внутреннего настроения, но и являются как бы маленькой трилогией, которая начинается изображением «человека в футляре» и заканчивается изображением людей, разъединенных стеклом. Рассказы ведутся от лица трех приятелей, которые в дружеской беседе обмениваются своим житейским опытом.

В «Человеке в футляре» учитель гимназии Буркин рассказывает свои воспоминания о другом учителе, Беликове. Это был странный человек, заглохший в одиночестве, с забитою и как бы напуганною душой. Он выходил на улицу не иначе как в калошах и с зонтиком, вечно защищаясь от непогоды. Он рад был бы спрятаться в глухой футляр не только от внешних стихий, но и от самой жизни. Все неожиданное, мало-мальски нарушающее шаблон привычного серого существования, приводило его в трепет: он съеживался, негодовал, недоумевал, предчувствуя какие-то беды. В жизни его, однако, совершилось маленькое драматическое событие: он умудрился влюбиться в бойкую интеллигентную хохлушку и почти уже решился сделать ей предложение, как вдруг ее брат грубо спустил его с лестницы. Несчастный Беликов скатился вниз прямо к ногам возвращавшейся домой девушки. Он не вынес этого потрясения и позора, слег в постель и через месяц умер.

«Хоронили его, – говорит Буркин, – мы все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала. И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтиками».

Таково содержание этого небольшого эскиза. Несмотря на то что главные черты его представляются несколько надуманными и самый образ человека в футляре сбивается на аллегория, он производит глубокое впечатление. Унылое, но вдумчивое настроение автора преобладает здесь над художественной живописью. За ним все время следишь и заражаешься им, потому что в нем есть глубокая лирическая правда. Всякая человеческая душа испытывает временами горечь одиночества, оторванности от людей, почти вынужденной замкнутости, и вот почему даже этот ничтожный Беликов, трусливо послушный министерским циркулярам, кажется почти живым человеком.

Чехов сумел пролить на эту уродливую, жалкую фигурку провинциального учителя мягкий гуманный свет. В жизни таких людей презирают и гадливо побаиваются, совершено так же, как это представлено в рассказе. Но Чехов с тонким чутьем художника

подошел к этому гаденькому человеку и открыл в нем под мертвой корой формализма и раболепия перед начальством, несчастную боязливую душу. Благодаря художественному мастерству Чехова, в рассказе неизбежно выступает психологическая правда, смягчая жестокость и резкость обычного житейского суда одних людей над другими.

Писателю не приходится подчеркивать свою позицию, свое отвращение к жизни, управляемой канцеляриями, ко всему чиновническому холопству, которое под предлогом исполнения каких-то гражданских обязанностей проникает в жизнь, мешая ее вольному течению. Свободолюбие Чехова видно из каждой черты его рассказа, различными художественными средствами он дает понять свою душу: читатель чувствует себя подавленным сырым туманом и дождливыми облаками, которые лениво ползут над действующими лицами, ему хочется разорвать их, чтобы увидеть ясное небо и солнце. И вместе с тем в рассказе читатель ощущает тоскливое веяние, идущее от самого автора, который тоже томится серыми буднями российской жизни, тоже хочет солнечного тепла и света. Так искусство, правдивое и глубокомысленное, неуловимыми словами создает в душе то, чего не достигло бы никакое рассудочное воздействие на ум и волю.

По А. Волынскому

В центре рассказа «Человек в футляре» — история наиболее ясного футлярного типа, учителя Беликова. Он прячет в футляр не только часы и перочинный нож, но и свои мысли, чувства, свое отношение к людям и к жизни.

«Действительность, — говорит рассказчик, — раздражала, пугала его, держала в постоянной тревоге», он стремился «защитить себя от внешних влияний» и, как рак-отшельник или улитка, старался уйти в свою скорлупу, окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, «футляр»».

Беликов проходит мимо богатой красками и звуками жизни (его глаза за темными очками и уши, заложенные ватой, не способны воспринимать ее), он ограничивает себя, изолирует от живых впечатлений, вполне удовлетворяется готовыми, раз навсегда установленными формулами (циркулярами, запрещениями). Не изучая, не зная и не понимая жизни, он боится ее, инстинктивно хоронится от нее, подозревая, что его всюду стерегут опасности. Подобно «премудрому пескарю», вместо того, чтоб научиться противодействовать этим опасностям, он предпочитает забраться в свою «нору», жить «дрожа», «чуждаясь общественности». Вся его немудрая философия укладывается в формулу: «как бы чего не вышло».

Обнищание духа этого «футлярного человека» определено одной его чертой: страхом перед жизнью, однолинейная бедность его психики и реакции на разные жизненные явления подчеркивается в рассказе как малыми, так и значительными фактами его биографии: и в солнечную погоду он выходит с зонтиком, в калошах и в теплом пальто на вате, окна у него всегда закрыты ставнями, двери — на задвижках, кровать под пологом, и спит он, укрывшись с головой одеялом. Так же прячется он от действительной жизни в совершенно формальное преподавание древних языков, поэтому же лишает себя семейной жизни, свободного чувства любви, тесного контакта с другими людьми, живой общественной деятельности.

Однако жизнь все же «достаёт» Беликова, помимо его воли «добирается» до него через все «задвижки», формулы, футляры, которыми он стремится забронировать себя от ее влияний. Она сталкивает его с красивой, здоровой, жизнерадостной девушкой Варенькой и заставляет Беликова влюбиться. Он «очарован», у него «голова закружилась», он даже при усердном старании гимназических дам и учителей принимает решение жениться. Но все это с оглядкой, осторожно, взвешивая «предстоящие обязанности, ответственность, чтобы потом чего не вышло».

Выбитый из привычной колеи, он с еще большей тревогой и страхом относится к жизни: «решение жениться подействовало на него как-то болезненно, он похудел,

побледнел и, казалось, еще глубже ушел в свой футляр». Жизнь требовала активного шага, самостоятельного поведения, а Беликов, привыкнув к извне данным циркулярам и распоряжениям, боялся нового движения даже в своей личной жизни. Настороженный, взбудораженный почти принятым решением — с одной стороны, и страхом перед неизвестным будущим — с другой, он с тем большей мнительностью и растерянностью воспринимает всякое отступление от «нормы»: полученная анонимная карикатура, катанье Вареньки и ее брата на велосипеде, объяснение с «вольнодумцем» Коваленко — все это вырастает в его сознании в приближающуюся катастрофу. Боязливая душа, трусливый мозг уже услужливо подсказывают возможные «страшные» последствия: «дойдет до директора, попечителя...» Не выдержав натиска совершившихся и воображаемых жизненных обстоятельств, потрясенный Беликов не пытается бороться, а покорно уходит из пугавшей его жизни. «Теперь, когда он лежал в гробу, он точно был рад, что, наконец, его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет».

Анализируя рассказ, стоит обратить особенное внимание на губительное влияние на окружающих «человека в футляре». Беликов при ближайшем знакомстве оказывается не забавным, не нейтральным, а зловредным. Он не только заключал в футляр свое существование, но и всячески стремился вызвать потребность в футляре у других: вытравить индивидуальность, живые реакции, уничтожить естественное стремление к обществу, к новому. Своей «отрезвляющей» трусливой формулой «как бы чего не вышло» он сеял опасения, сомнения в необходимости даже таких невинных нововведений, как драматический кружок, читальня или чайная; своей «осторожностью, мнительностью, чисто футлярными соображениями» не только досаждал, но и угнетал, давил всех и в результате добился своего — создал в городе и в гимназии «удушающую атмосферу» всеобщего страха, заторможенности, подавленности.

Это тем более удавалось ему, что он «выступал» не с открытой грубой силой, которая, быть может, скорее вызвала бы противодействие, а говорил тихо, деликатно, осторожно и захватывал таким образом «исподтишка», как паук в свою паутину. Это сравнение Чехов подсказывает читателю прозвищем, данным Беликову Коваленкой: «Глитай аож паук». Здесь — намек на близость Беликова к центральному образу запрещенной в те годы пьесы украинского драматурга М. Кропивницкого («Глитай аож павук» — кулак или паук) — кулаку-мироеду Бычку, который, подобно пауку, сумел силой своего богатства, вкрадчивостью, осторожностью и обманом добиться безграничного доверия, деморализовать, опутать своими сетями не только представителей сельской власти, но и приглянувшуюся ему женщину (Олену) и ее мать. Ранее верная своему супружескому долгу, Олена под влиянием этого «нравственного оглушения» теряет моральную стойкость, уступает Бычку, и ценой своего падения покупает безбедное существование себе и матери. В финале пьесы Бычка разоблачает и уничтожает муж Олены, нравственный человек и честный труженик.

Роль разоблачителя Беликова в рассказе «Человек в футляре» играет Коваленко. Его здоровой, сильной, жизнерадостной, свободолюбивой натуре органически претит футлярная сущность Беликова. Их полярность подчеркнута в рассказе и в портретах, и в манере поведения того и другого, и в складе их сознания. Беликову — маленькому, скрюченному, бледному, с постоянным выражением беспокойства или ужаса на лице, с его неслышной (в резиновых калошах) походкой и тихим голосом, с его настойчивым стремлением спрятаться от жизни в футляр противопоставляется молодой, полный сил, «здоровый верзила», шумный, заметный, живо и смело реагирующий на все Коваленко. Его басовитый голос, громкий смех, палка, которой он гремит по тротуару, катанье на велосипеде, споры о книгах, активное выражение недовольства гимназическими порядками и жизнью в городе — все это разрывает тишину («поганую атмосферу» — по определению Коваленко), созданную стараниями «человека в футляре», и неуклонно ведет к столкновению с его антиподом, заканчивающемуся «крушением» Беликова и торжеством Коваленко.

Вместе с Коваленко побеждает (хоть и ненадолго) чувство человеческого достоинства, право на свободу, на самостоятельные суждения, на полнокровное восприятие жизни, побеждает отрицательное отношение к раблению, фискальству, узости, самоограничению, к мертвому формализму, казенщине.

В рассказе «Человек в футляре» это торжество дано как должное, необходимое и безусловно возможное, но далеко еще не типичное для современности. Таких людей, как Коваленко, пока еще единицы, это исключения; большинство же не только не противодействует футлярной жизни и людям, но впитывает в себя их тлетворное влияние. Не было бы вокруг Беликова такой податливой, слабой среды, он был бы только смешон и совсем не опасен. Но учителя гимназии, жители города оказываются склонными к футлярной жизни и именно поэтому слишком быстро поддаются воздействию Беликова, разрешают держать себя «целых пятнадцать лет» в состоянии постоянного страха и скованности. Мыслящие, глубоко порядочные, воспитанные (по словам Буркина) на Тургеневе и Щедрина учителя позволяют превратить гимназию в «управу благочиния», в «полицейскую будку» не только потому, что велико мертвящее воздействие Беликова, но и потому, что сильна в них самих рутина, отсутствует настоящая заинтересованность своим трудом и общественной жизнью.

Стоит напомнить, что Чехов хотел бы видеть учителя «артистом, художником, горячо влюбленным в дело» (М. Горький) и в некоторых своих произведениях показывал таких мастеров-преподавателей («Учитель», «Три года» — образ Ярцева), но в современной жизни он большей частью сталкивался с косными, ограниченными учителями, «чинодралами», которые шли учить детей «с такой же охотой, с какой пошли бы в ссылку» («Учитель словесности», «Три сестры» — образ Кулыгина, «Случай с классиком» и др.).

В Беликове, в сущности, оказывается только ярче, обнаженнее выраженным то, что присуще в более завуалированной форме другим учителям и обитателям города. Поэтому смерть Беликова явилась освобождающим фактором лишь на очень короткое время; прошло не больше недели, говорит рассказчик Буркин, «и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая. Жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось...»

Эти люди в футляре, дополняющие образ Беликова и придающие ему обобщающее значение, вырисовываются не только из центрального эпизода (из повествования Буркина); на них указывается и в обрамляющей части рассказа (в повествовании самого автора): слуга Беликова Афанасий тоже ушел в свою скорлупу, изолировался от всего живого. Мир его замкнут интересами Беликова. С расстроенной психикой, мрачный, нахмуренный, он тоже с опаской смотрит на жизнь, не приспособлен к ней, также однообразен в своем поведении («Стоял обыкновенно у двери, скрестив руки, и всегда бормотал одно и то же с глубоким вздохом»), также создал формулу, в которой выражается его страх: «Много уж их нынче развелось». Жена старосты Мавра, здоровая и неглупая женщина, тоже бессмысленно ограничила свое существование: «во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги». Чем дальше, тем больше уходила она в свой «футляр», теряла связи с жизнью и людьми: в последние десять лет Мавра уже «сидела за печью и только по ночам выходила на улицу».

И в учителе Буркине (рассказчике), интеллигентном, общительном, мягком человеке, тонко чувствующем природу и людей, обладающем чувством юмора, умением наблюдать и интересно рассказывать, все же есть черты «футлярного человека». Хотя он и говорит, что жизнь в провинции «вздорная, скучная, не делается то, что нужно», но сам вполне мирится с этой жизнью, терпит рядом с собой Беликова, сживается с «удушающей поганой атмосферой». Знаменательно, что он держит Беликова в непосредственной близости от себя («мы часто виделись»), ходит с ним вместе в гимназию, называет его «мой

товарищ», и Беликов, в свою очередь, приходит именно к нему поделиться своими переживаниями («приходил ко мне, чтобы поговорить о семейной жизни»).

У Буркина нет твердых нравственных и идеологических принципов, он вяло мечтает о свободе, поэтому он не противодействует, как Коваленко, Беликову, а то смеется над ним, то жалеет его, то боится, то от скуки, принимает живейшее участие в организации личной жизни Беликова, то радуется его смерти. Наблюдения Буркина, часто тонкие и верные, не волнуют его, не побуждают его самого к обобщениям и социальному протесту. Он ограничивает себя ролью созерцателя, не пытается разобраться и сделать выводы: в разговор о Мавре он вставляет свое констатирующее замечание («это явление не редкое»), но отказывается объяснить его и не связывает с общественными вопросами («я не естественник, и не мое дело касаться подобных вопросов»); на эмоциональную, активную реакцию своего слушателя — Ивана Ивановича, расширившего рассказанную историю до пределов обобщения и поднявшего отношение к ней до уровня протеста против современной социальной действительности («нет, больше жить так невозможно!»), Буркин отвечает «отрезвляющими» словами, в которых чувствуется непонимание серьезного значения им самим рассказанной истории: «Ну, уж это вы из другой оперы, Иван Иваныч!»

Чехов дает почувствовать, что расхождение Ивана Ивановича с Буркиным принципиально и не впервые определилось, а уже имеет свою историю, результат уже ранее высказанных несогласий. Рассказ Буркина прерывается словами Ивана Ивановича, которыми он как бы намекает и на самого рассказчика и на прежние споры с ним: «Да, мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева и разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели... То-то вот оно и есть». Эту же последнюю фразу он повторяет еще дважды в финале, заключая рассказ Буркина и начиная развитие своей обобщающей мысли, уже не принимаемой его собеседником Буркиным:

«А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор — разве это не футляр?.. Видеть и слышать, как лгут и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грощ цена, — нет, больше жить так невозможно!».

По М. Семановой

Герой рассказа «Человек в футляре» Беликов держит в страхе окружающих людей. В то же время жизнь страшит его самого. «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге...» — пишет Чехов.

В беликовском «футляре» — в одежде, домашней обстановке, ставнях, задвижках — во всем прежде всего чувствуется стремление спрятаться от жизни, уйти, как улитка, в скорлупу. Вот почему гроб представляется для него самым идеальным «футляром».

Беликов — фигура не официальная, не административное лицо. Он надел на себя футляр так же добровольно, как и унтер Пришибеев, этот «сверхштатный» блюститель порядка. Тем сильнее подчеркивается всеобщность «футляра»: Беликов — представитель целого уклада жизни, знамение времени. Учитель Буркин, рассказывающий о нем, с горечью восклицает, что после похорон Беликова лучше не стало: «...жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне... Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!» Однако, сознавая, что Беликов — далеко не исключение, сам учитель Буркин не дает себе отчета в том, насколько знаменателен «человек в футляре», как крепко связан со всем строем и духом современной ему жизни. Когда Иван Иваныч, желая продолжить начатый разговор, говорит, что вся жизнь,

— душная, праздная, бессмысленная, — это тоже «футляр», Буркин его не поддерживает и не дает ему рассказать в связи с этим «одну очень поучительную историю». Буркин полагает, что разговор исчерпан. А когда Иван Иванович произносит знаменательные слова: «Нет, больше жить так невозможно!» — Буркин заявляет, что это уже и вовсе «из другой оперы». В его душе, очевидно, тоже есть кусочек «футляра», мешающий ему глубоко взглянуть на то, о чем он сам только что рассказал.

Образ «человека в футляре» раскрывается постепенно, все более углубляясь как художественное обобщение. Сначала мы смотрим на Беликова «буркинскими» глазами. Затем слова Ивана Ивановича открывают новую перспективу образа, прямо связывая его с укладом жизни. Но и это еще не все. Прочитав рассказ до конца, мы как бы поднимаемся на новую ступень в осмыслении образа. Автор, казалось бы, ничего не добавляет от себя к разговору двух героев. Но одна деталь, как всегда у Чехова внешне совершенно «безобидная», вдруг заставляет взглянуть на рассказанное с новой, еще более широкой точки зрения.

Как вообще начался разговор о Беликове?

«Рассказывали разные истории. Между прочим, говорили о том, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу».

В связи с этой женщиной, которая прожила жизнь, почти не видав жизни, женщиной, обреченной на существование, подходящее скорее для «рака-отшельника или улитки», — в связи с этим и рассказывает Буркин историю о Беликове. «Футляр» — это не только городская жизнь, о которой говорит Иван Иванович («А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр?»). Образ крестьянки Мавры, обреченной проводить всю свою жизнь в «скорлупе», вносит новый поворот в тему футляра.

В конце рассказа, когда Буркин, прервав Ивана Ивановича, предложил отправиться спать и все затихло, вдруг раздаются чьи-то шаги: туп, туп... «Кто-то ходил недалеко от сарая; пройдет немного и остановится, а через минуту опять: туп, туп...» «Это Мавра ходит», — говорит Буркин. Только что прервался разговор о футляре, но, кажется, сама жизнь продолжает его, напоминая о Мавре, о деревенской женщине, которая всю свою жизнь ходит, словно на короткой привязи, вокруг одного места: туп, туп... Такова сила чеховского мастерства: ничего как будто не сказано, только слышатся тупые, короткие шаги, но о многом говорят они читателю, они наталкивают его на мысль: темнота и невежество людей из народа — это тоже футляр. Так, словно расходятся по воде круги от упавшего камня, все новые стороны жизни охватываются образом «человека в футляре». И слова: «Нет, больше жить так невозможно!» — уже звучат как голос самой жизни.

По 3. Паперному